

Страх и демонизация в политике

© Гаджиев К. С.

© Gadzhiev K.

Страх и демонизация в политике

Fear and demonization in world politics

Аннотация. Проанализированы недоверие между государствами, страх, феномен врага и демонизация, оказывающие существенное влияние на внешнеполитическую стратегию стран Запада. Показано, что именно от их укорененности в сознании правящей элиты зависят взаимоотношения между государствами, возможности достижения ими договоренностей по ключевым вопросам мировой политики. Значительное место уделено русофобии как методу демонизации России и ее руководства.

Annotation. An analysis of some factors, such as distrust between states, fear, the phenomenon of the enemy and demonization, which have a more or less significant influence on foreign policy strategy, primarily of Western countries, is given. It is shown that the relationship between the states, the possibilities of reaching agreements on the key issues of world politics, depend to a large extent on the character, the level of their entrenchment in the minds of the ruling elite of the respective countries. A significant place is given to Russophobia as a manifestation of the demonization of Russia and its leadership.

Ключевые слова. Мировой порядок, Россия, Запад, недоверие, страх, феномен врага, демонизация, русофобия, государство.

Key words. The world order, Russia, the West, distrust, fear, the enemy phenomenon, demonization, Russophobia, the state.

Преобладание или низкий уровень позитивных или негативных начал во взаимоотношениях между государствами зависит от того, в какой мере они доверяют друг другу. Доверие подразумевает позитивное восприятие людьми друг друга, уверенность во взаимной надежности, в предсказуемости поведения. С политической точки зрения доверие — ключевое условие легитимности власти. В основе легитимности лежит доверие народа к властной системе и политике государства. Власть, которая не способна завоевать доверие народа, не легитимна.

Разумеется, взаимоотношения государств отличаются от взаимоотношений между людьми и даже сообществами. В межгосударственных отношениях предполагается формула, со ссылкой на русскую пословицу высказанная в свое время Р. Рейганом: «Доверяй, но проверяй».

ГАДЖИЕВ Камалудин Серажуудинович — главный научный сотрудник Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН, профессор факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова (г. Москва), доктор исторических наук.

Природа власти такова, что любые доводы политических и государственных деятелей, особенно в отношениях между государствами, нуждаются в тщательной проверке. При заключении любого значимого договора по определению предполагается, что договаривающиеся стороны верят в добрые намерения друг друга и в то, что другая сторона настроена соблюдать правило «не поступай по отношению к другим так, как ты не хочешь, чтобы поступали по отношению к тебе». Применительно к международному договору этот принцип предполагает уважение обеими сторонами зафиксированных в нем взаимных обязательств.

От доверия зависит обострение или ослабление международной напряженности. Еще в 1930-е гг. председатель комиссии по разоружению Лиги Наций С. де Мадарьяга пришел к выводу о ложности самой постановки вопроса о разоружении как средстве достижения взаимопонимания между народами: «Народы не доверяют друг другу не потому, что они вооружены, они вооружены потому, что не доверяют друг другу. Поэтому желать разоружения до достижения минимума общего согласия по фундаментальным проблемам так же абсурдно, как и желать, чтобы люди ходили зимой голышом» [10. Р. 222].

* * *

Конфликты во многом обусловлены политическими и идеологическими факторами, питающими недоверие народов друг к другу. Зачастую мы сталкиваемся с ситуацией, при которой сначала конструируются мифы путем демонизации тех или иных государств или движений, изображаемых как главные источники угроз национальной, а то и мировой безопасности. Затем накапливаются ресурсы для противодействия этим угрозам, а потом наносится превентивный удар по их источникам.

В последние полтора-два десятилетия главное в рассматриваемом контексте состоит в отсутствии доверия между Россией и Западом в целом и США — в особенности. В этом плане свою роль сыграло множество известных факторов, в первую очередь — расширение НАТО, нарушившее при этом данное Западом, пусть и словесное, обещание. Впрочем, важно не столько нарушение обещания «ни на дюйм» не приближать НАТО к границам России, сколько сама реализация новой версии проекта *Drang nach Osten*. В итоге руководители НАТО сделали все, чтобы загнать Россию в геополитическую западню, пытаясь создать вокруг нее новую версию санитарного кордона. Конкретные политические действия — например выход США из договора по ПРО в 2002 г. и начало строительства системы ПРО — не могут не вызвать недоверия к Вашингтону и опасения относительно обеспечения безопасности России. В результате Россия не могла не потерять доверие к разного рода декларациям Запада о стремлении к миру и взаимовыгодному сотрудничеству.

Важную роль играет беспрецедентная деградация западных СМИ и, соответственно, недоверие к ним. Одним из признаков их деградации стало растущее использование искаженных на потребу дня или сфабрикованных новостей, объединяемых под названием «фейковых». СМИ превратились в мощное наступательное оружие информационной войны.

Заслужить доверие трудно, но потерять его можно одновременно — например в результате ничем не оправданного акта агрессии против другого государства, совершенного на основе сфабрикованных фактов. Наиболее одиозный пример — циничная фальсификация доказательств наличия у Саддама Хусейна оружия массового поражения для оправдания агрессии в Ираке.

Среди подобной фейковой информации выделяется беспрецедентная кампания нагнетания страстей вокруг так называемых хакерских атак России во время президентской предвыборной кампании США.

Тотальное недоверие государств друг к другу снижает договороспособность акторов мировой политики. Общим правилом становится недоверие к легитимности уже заключенных в ходе трудных переговоров международных договоров. Наглядное подтверждение — выход США из заключенного 22 апреля 2016 г. Парижского соглашения о климате.

Парадоксальным образом неправовое деяние сильного выводится из-под оценки по шкале «правда—ложь». Вышеприведенная формула Р. Рейгана «Доверяй, но проверяй!» игнорируется. Считается само собой разумеющимся верить на слово сильнейшему. Не доверять его доводам и аргументам считается некорректным и более того — подлежащим осуждению. Верхом неуважения к международным договорам можно считать страсти вокруг договора об уничтожении химического оружия в Сирии под контролем Организации по запрещению химического оружия (ОЗХО) 2013 г. 4 января 2016 г. она объявила о завершении ликвидации химоружия Сирии, за что ОЗХО, кстати, получила Нобелевскую премию мира.

А 4 апреля 2017 г. вооруженная оппозиция в Сирии заявила об атаке правительственными войсками с применением химоружия в поселке Хан Шайхун провинции Идлиб, продемонстрировав видеокadres якобы убитых и пострадавших в результате этой атаки. Эксперты указали на множество неувязок, не соответствовавших признакам того типа химического или биологического оружия, о котором заявляли авторы этого действия и которое оказалось провокацией противников властей. Западные государства в полную силу использовали эту провокацию для дискредитации режима Башара Асада, а заодно и России. Президент США Д. Трамп, не имея никаких доказательств, приказал нанести удар 59 «Томагавками» по сирийской авиабазе Аш-Шайрат, откуда якобы вылетели самолеты, совершившие химическую атаку. Предложение России и Сирии провести на месте объективное расследование инцидента было категорически отвергнуто — по-видимому, исходя из того, что мировое сообщество обязано верить западным странам во главе с Вашингтоном на слово. ОЗХО объявила о невозможности (читай — нежелании) участия в расследовании инцидента, тем самым не выполнив свои прямые обязанности. Другими словами, любые сомнения, недоверие были отвергнуты как не подлежащие обсуждению. Ничем не обоснованную позицию Вашингтона поддержало послушное большинство так называемого мирового сообщества, под которым подразумевается лишь сообщество западных стран, население которых составляет одну седьмую часть населения земного шара, что меньше населения одного Китая.

Говорят, что, когда во время кубинского кризиса 1962 г. представитель Белого дома, чтобы убедить Ш. де Голля в обоснованности позиции США, предложил ему посмотреть снимки советских ракет, размещенных на Кубе, тот сказал, что верит президенту США, а не снимкам. Разве такое можно представить сегодня?

* * *

Практика использования чужих в качестве козлов отпущения стара как мир. Она уходит своими корнями в родоплеменное прошлое: общий враг, реальный или воображаемый, обеспечивал сплоченность племени или народа. Поэтому, если не было реального врага, его часто придумывали, конструировали. Его внезапное исчезновение, как правило, создает у племени, народа, государства ощущение пустоты.

В модифицированной форме этот принцип широко используется и в наши дни. Прав американский психолог С. Кин, который, развивая зафиксированное в уставе ЮНЕСКО положение о том, что войны начинаются в умах людей, писал: «Сначала мы создаем образ врага. Образ предваряет оружие. Мы убиваем других мысленно, а затем изобретаем палицу или баллистические ракеты, чтобы убить их физически. Пропаганда опережает технологию». Показав несостоятельность рационалистических доводов в пользу уменьшения риска войны, Кин утверждал, что суть дела в «ожесточении наших сердец». В период «холодной войны», писал он, американцы и советские люди поколение за поколением культивировали ненависть и дегуманизировали друг друга, в результате чего «мы, люди, стали *homohostilis*, враждующим видом, животными, изобретающими врагов» [12. Р. 10].

С окончанием «холодной войны» этот комплекс не исчез и не мог просто так исчезнуть — он лишь принял новые формы. Применительно к внешнеполитической стратегии Вашингтона суть вопроса состоит в том, что предъявляемые им претензии на особую роль в мировой истории, роль единоличного вершителя судеб человечества невозможно обосновать без наличия общего врага.

Антисоветизм и антикоммунизм представляли собой завуалированную форму русофобии, или же традиционная русофобия была конвертирована в формулу антикоммунизма и антисоветизма. Они представляли собой нечто большее, чем просто реакцию на угрозу извне. В течение более полувека они служили несущими конструкциями государственной идеологии, обеспечивающей не только объединение Запада вокруг США в противостоянии СССР, но и внутреннюю политику сплочения американского народа вокруг правящего класса.

Распад СССР лишил американцев одного из важнейших факторов укрепления господствующего положения на Западе, а с наступлением так называемого однополярного миропорядка — попыток его легитимации. Действительно, если Америка перестанет быть защитницей свободы в борьбе с внешней угрозой, то на чем будет основываться американское миссионерство?

Поэтому после исчезновения с геополитической авансцены главных врагов в лице СССР и коммунизма руководители США развернули лихорадочные поиски новых достойных врагов. Первоначально главным врагом был объявлен терроризм, и в ходе развязанных широкомасштабных войн на так называемом Большом Ближнем Востоке складывалось впечатление, что США нуждаются в международных террористах и «государствах-изгоях» для оправдания своей геополитической стратегии. Однако терроризм в глазах по крайней мере части американской элиты показался недостаточно серьезной угрозой, чтобы убедить мир в величии целей Вашингтона. На эту роль в конце концов вновь была выбрана Россия.

* * *

С феноменом врага теснейшим образом связан страх. Он может возникать в силу как реальных, так и воображаемых угроз. Он способен и окрылить, и парализовать волю и сознание людей. Страх может быть иррациональным, вызванным воображаемыми, ложно понятыми угрозами, — например, мантрами части элиты ряда государств Восточной и Северной Европы о близкой и неминуемой вооруженной агрессии России.

Страх, возможно, — самое мощное оружие.
Он может стать причиной как акта героизма,
вызванного отчаянием, так и трусливого
бегства от реалий жизни.

Одно из важнейших инструментов нагнетания страхов — фейковые новости.

Как отмечал Н. А. Бердяев, «самые страшные люди — это люди, одержимые страхом. Страх действует разрушительно.., он правит миром. Власть по природе своей пользуется страхом, который всегда скрывает истину и связан с ложью и жестокостью» [1. С. 286—287]. Страх, возможно, — самое мощное оружие. Он может стать причиной как акта героизма, вызванного отчаянием, так и трусливого бегства от реалий жизни.

Вооружаются в том числе и для пробуждения страха. Рим вызывал страх во всей Ойкумене своей военной мощью и постоянными завоеваниями. Жестокость террористов объясняется их стремлением вызвать страх.

Страх рождает рабское сознание. Европа, утратив волю к самосохранению, взывает к США. В связи с этим важно заявление бывшего генсека НАТО А. Фог Расмуссена о потребности мира в «жандарме», которым должны остаться США, т. е. «сверхдержавы не уходят на пенсию» [6]. Эта позиция популярна в Европе. У ее политической элиты ряд не совсем политкорректных высказываний Д. Трампа в адрес НАТО вызвал подлинный ужас.

Здесь излишне говорить о множестве реальных вызовов, которые возникли как перед отдельными странами, так и перед мировым сообществом. Проблема в том, как они трактуются и какие предлагаются способы противодействия им. Провозгласив борьбу с расплывчатым врагом в лице международного терроризма, американцы создали культуру глобального страха. Одну из статей о терроризме американские журналисты начали с знаменательного тезиса: «Окружив демоническим ореолом исламского радикала Усаму бен Ладена, США сами сотворили себе опаснейшего врага» [5]. Создав реальных и воображаемых демонов международного терроризма, самая могущественная держава мира сама себя загнала в тенета страха, позволила страху взять над собой верх. «Война с террором, — писал Зб. Бжезинский, — породила в Америке атмосферу страха. После... 11 сентября это словосочетание, превратившись по милости администрации Буша в общенациональное “заклинание”, оказывает губительное воздействие на американскую демократию, психику наших сограждан и положение США в мире». То, что Америка «поддается паранойе», Бжезинский обосновывал следующими данными. В 2003 г. конгресс определил 160 важных объектов общенационального значения, которые могут стать целью террористов. После подключения лоббистов к концу года список таких объектов возрос до 1849; в 2004 г. — до 28 360; в 2005-м — до 77 769. К 2007 г. в общенациональную базу данных было внесено порядка 300 тыс. потенциальных целей террористов [2].

Э. Тодд указал, что американскую риторику об «империи зла» или любых других дьявольских проявлениях «надо воспринимать всерьез, но в расшифрованном виде. Объективно она выражает испытываемое американцами наваждение зла, исходящего извне, хотя в действительности оно исходит изнутри самих Соединенных Штатов» [7. С. 140—141].

Эта тенденция наблюдается и в Европе, особенно в младоевропейских странах. Немецкий психоаналитик В. Шмидбауэр указал на возникновение нового немецкого «поколения страха»: «Еще никогда не было так много людей, которым есть что терять. Безопасность, достаток, высокий уровень потребления и неограниченные возможности коммуникации — вот что характерно для этого поколения. Мы страхуемся от ограбления, болезней, несчастных случаев, судебных процессов, от града, взрыва отопительного котла и потери вставной челюсти. Но, как ни странно, по улицам мы ходим в настроении гораздо более мрачном, чем бедняки в Йемене или Бразилии» [9]. Сегодня немцы тратят на страховки в три раза больше, чем 20 лет назад: «...навязчивое желание сохранить достаток, которое само есть реакция на страх, рождает новый страх» [9]. В такой атмосфере охранные структуры стали выгодным бизнесом, породившим армию «коммивояжеров страха», заинтересованных в появлении новых источников угроз для общества, бизнеса и личности.

Этот феномен вызван глубинными сдвигами в общественной жизни современного мира в целом и Запада в особенности. Ускорение социального времени, глобализация и информационно-телекоммуникационная революция ведут к росту неопределенности и неустойчивости.

Геополитический триумф постепенно теряет блеск и великолепие.

Концентрация внимания на вестернизации общественной жизни народов Востока оставляет в тени все более значимую контртенденцию ориентализации Запада. Восток все настойчивее проникает в базовые структуры западного общества, которое не может сопротивляться.

Свою лепту в эти процессы вносит сформировавшийся за последние десятилетия параллельный анонимный субъект мировой политики в лице международного терроризма, способный существенно влиять на геополитическое развитие. Сила и опасность этого агрессивного «мирового подполья» состоят в неприятии каких бы то ни было общепринятых морально-этических и правовых норм и ограничений.

Одновременно по всему миру распространяются антизападные, прежде всего антиамериканские, настроения. В результате у западных народов накапливается ощущение утраты лидерства и растущей зависимости от нового, чуждого для них мира. Даже Бжезинский, один из главных алилуйщиков американской империи, вынужден был признать: «Долгое политическое господство Запада на мировой арене уже несколько десятилетий идет на спад». Он озаглавил одну из глав своей книги «Стратегический взгляд: Америка и глобальный кризис» так: «Угасающий Запад», а другую — «Закат “Американской мечты”» [2].

Некоторые составляющие ментальных и идеолого-политических трансформаций в странах Запада — подсознательная реакция на подспудно накапливающийся страх перед новыми угрозами самому существованию западной цивилизации, которая отодвигается на вторые места в наступающем новом мире.

Державы, достигшие пика могущества и вступающие в стадию ослабления, начинают вести себя неадекватно, отчаянно цепляясь за свое привилегированное положение. Именно этим объясняется поведение США на геополитической арене.

Т. Грэм отмечает, что страх Америки перед Россией «вызван не столько ее силой, сколько слабостью Запада и его неуверенностью в себе» [4]. Э. Тодд указывает: тайну внешней политики Америки «надо искать в сфере ее слабости, а не могущества. Блуждающая и агрессивная, напоминающая походку пьяницы стратегическая траектория “одиокой сверхдержавы” может быть удовлетворительно объяснена только на пути выявления нерешенных или неразрешимых противоречий и вытекающих отсюда чувств неудовлетворенности и страха» [7. С.10].

* * *

На основе трех рассмотренных факторов — недоверия, страха и феномена врага — в соответствии с политическими нуждами формируются и распространяются разные версии демонизации противника. А она неизбежно порождает охоту на ведьм, инквизицию, религиозные войны, геноцид и терроризм.

Такой подход неизбежно перерождается в концепцию крестового похода и мессианизм, основывающийся на бескомпромиссном разделении мира на сферы божественного и дьявольского, добра и зла. Он стимулирует неумеренный морализм, который в свою очередь порождает

неизбежный конфликт между целями и возможностями их достижения. Формируется соблазн самовлюбленности и уверенности в своей непогрешимости, надменности силы, которые в свою очередь становятся основой конспирологического комплекса, или теории заговора

Исключая возможность какого бы то ни было компромисса, теория заговора не оставляет места для сил, занимающих нейтральную позицию. Американский историк Р. Хофстедтер назвал его «параноидным стилем», означающим, по его мнению, «предельное преувеличение, подозрительность и фантазии о заговоре». Отличительная особенность его приверженцев — убеждение в том, что враг располагает важными рычагами власти: контролирует прессу и общественное мнение, обладает неограниченными ресурсами, секретами «промывания мозгов». Этот тип сознания возводит подозрительность и ненависть в мировоззренческое кредо, формируя политическую культуру.

Применительно к России такой подход проявляется в феномене русофобии. При оценке этого феномена важно учесть, что просто предвзятое отношение, даже неприязнь не обязательно есть фобия. Фобии нельзя отождествлять со всякой критикой власти и руководителей государства. В России многое заслуживает критики, и многие из критиков властей являются истинными патриотами России.

Но русофобия — это особая статья. России не доверяли с начала объединения русских земель вокруг Московского царства. Именно к тем временам восходит своими корнями современная русофобия [3]. В современных же формах — это не просто неприязнь к русскому народу, стране, государству. Это сознательно и целенаправленно формируемая идеология, которая определяет внешнеполитическую стратегию Запада в целом и США в особенности.

В русофобии органически сочетаются иррациональное и рациональное начала. Ключевые ее положения разрабатываются и пропагандируются идеологически ангажированной частью интеллектуальной и политической элиты и через СМИ внедряются в сознание населения. Если в биполярном мире антисоветизм и антикоммунизм были завуалированной формой русофобии, то сегодня ее можно рассматривать как антисоветизм и антикоммунизм, переформатированные в условиях восстановления статуса России как великой ядерно-космической державы, в эпоху глобализации и информационно-телекоммуникационной революции. Миф о советской угрозе преобразован в миф об угрозе, якобы исходящей от России.

Новые догмы, фабрикуемые вполне рациональными инструментами, на глазах отчуждаются от своих творцов, приобретают самодостаточность, превращаются в часть мифологии современной виртуальной реальности. Создаются условия, при которых определенной частью населения они воспринимаются как истина, не нуждающаяся в доказательствах. Сами творцы этих догм, не говоря о тех, кто верит им на слово, становятся заложниками созданного ими виртуального мира.

Демонизация в ее русофобском измерении — форма гуманитарной агрессии, часть гибридной войны против России. Создается впечатление, что на Западе, перефразируя выражение Дж. Оруэлла, объявлен бесконечный фестиваль ненависти к России и ее народам. Во всяком сколько-нибудь негативном для Запада событии — поражении на выборах, теракте, хакерских атаках — теперь неизменно и всерьез видят «руку Москвы». Так, после теракта около здания парламента Великобритании английская журналистка, бывшая депутат парламента Л. Менш без обиняков заявила в Twitter, что теракт «имеет прямое отношение к России» [11]. То же самое местная пресса пыталась внушить общественности после референдума в Каталонии, большинство населения которой высказалось за независимость.

Гротескные формы «рука Москвы» приобретает в глазах младоевропейских стран. Для правящих кругов некоторых из них она стала краеугольным камнем формирования национальной идентичности и государственности. В интервью под угрожающим названием «Есть очевидный план (Путина) по разрушению глобальной безопасности», текст которого 31 мая 2017 г. появился на портале российского телеканала «Дождь», президент Эстонии К. Кальюлайд заявляла: «Конечно, были случаи, когда кому-то было необходимо показать, что в Эстонии есть фашисты. И их пришлось откуда-то привозить, потому что не смогли найти в Эстонии. Мы хорошо понимаем, откуда это идет» [8]. А президент Литвы Д. Грибаускайте постоянно, как мантру, повторяет, что само существование России является главной угрозой для прибалтийских стран и Польши.

Неофиты всегда стремятся стать большими католиками, чем сам Папа, большими европейцами, чем сами европейцы, большими противниками своей бывшей империи, чем традиционные ее противники и т. д. Этим во многом объясняется агрессивность младоевропейских стран в отношении России. Они выступают в качестве самых решительных сторонников ужесточения политики в отношении России, размещения на своей территории новых сил НАТО, развертывания американской ПРО и т. д.

Недоверие, страх, истерия и демонизация России достигли пика к концу избирательной кампании и после избрания Д. Трампа на пост президента США. Искусственно созданная атмосфера ненависти и поиска «русских шпионов» стала важнейшим фактором политической ситуации. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что тема демонизированной России выбрана в качестве основной линии атак на Трампа.

Если судить по материалам западных СМИ, Россия всемогуща и управляет всем в мире: во всех событиях на планете просматривается «рука Москвы». Действительно, корень русофобии таится в возросшей за последние годы силе России. Страх Запада усилился на фоне начавшегося открытого сопротивления России его притязаниям на мировую гегемонию. Об этом косвенно свидетельствует следующий пассаж из английского журнала «Обсервер»: «Если бы Россия не была так важна,

мы осудили бы ее как “государство-изгой”. Если бы русские не были так богаты, мы натравили бы на них наше МВД, чтобы “окружить Ruskies и выслать домой”. Русские еще противнее в роли капиталистов, чем в роли коммунистов. Когда же закончится эта русская зима?» [2].

В статье для Washington Post Генри Киссинджер отмечал, что западная «демонизация Путина — это не политика; это алиби для ее отсутствия» [5]. И с этим трудно не согласиться.

Литература

1. **Бердяев Н.** Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. О назначении человека. М.: Республика, 1993.
2. **Бжезинский Зб.** Стратегический взгляд: Америка и глобальный кризис. — <http://www.e-reading.by/bookreader.php/1022010/> (дата обращения: 04.10.2017).
3. **Гаджиев К. С.** Имидж России глазами Запада: исторический экскурс // Свободная Мысль. 2017. № 2.
4. **Грэм Т.** Диалектика силы и слабости // Россия в глобальной политике. 2007. № 3. — http://www.globalaffairs.ru/number/n_8831 (дата обращения: 04.10.2017).
5. Как демоны США демонизируют Путина. — <http://maxpark.com/community/5134/content> (дата обращения: 04.10.2017).
6. Расмуссен: Сверхдержавы не уходят на пенсию — нам нужен «мировой жандарм». — <https://russian.rt.com/inotv/> (дата обращения: 04.10.2017).
7. **Тодд Э.** После империи. РахAmericana. Начало конца. М., 2004.
8. Фашистов к нам откуда-то завозят по заказу Кремля, — президент Эстонии. — <http://m.rusvesna.su/news/1496381572> (дата обращения: 04.10.2017).
9. **Шрайбер М.** В мире боли и одиночества // Профиль. 2006. № 33.
10. Foreign Affairs. 1984/1985. Winter.
11. **Heer J.** Is the Russia Investigation Turning the Left Into Conspiracy Theorists? // The New Republic. 2017. 27.03.
12. **Keen S.** Faces of enemy. Reflections of the hostile imagination. N. Y., 1986.
13. The Washington Post. 2007. 25.03. ◆